

сень... тут, за городом, разительно отличалась от той, к которой мы, городские жители, привыкли. Тут не было грязных луж, которые так и норовят испачкать ботинки, не было вонючих машин, которые отравляют выхлопами осенний воздух, что кажется особенно кощунственным в пору тихого увядания листьев, не было дворников-таджиков, сгребających золото листьев в кучи для того, чтобы потом предать их огненному погребению вперемешку с обрывками газет, пластиковой тарой от пива и использованными прокладками. Здесь, за городом, были тишина и спокойствие. Деревья, одетые в багряный осенний наряд, молчаливыми стражами стояли вокруг дома. Те же багряные листья устилали землю диковинным персидским ковром, делая неслышными шаги человека, отважившегося ступить на него. Вокруг не было шума, суеты, автомобильных гудков, разномастной толпы... Ничего, что напоминало бы о городе. Был лишь изрядно заросший, безлюдный парк. Был дом, старой, наверное, еще дореволюционной постройки, притаившийся в глубине парка. У самой кромки деревьев молчаливым зверем застыл внедорожник, выкрашенный в нелепый красный цвет, с нанесенными по левому и правому бортам надписями «Охотники» и семизначными москов-

скими номерами телефонов. Неподалеку расположились два человека, мужчина и женщина, чуждые окружающей их тишине и спокойствию. На земле весело потрескивал маленький костерок, сложенный из сухих веточек и листьев. Мужчина удобно устроился на вытащенном из машины сиденье и с ленцой потягивал кофе из огромной никелированной кружки, вытянув длинные ноги в высоких натовских берцах к костру. На другом сиденье, напротив него, по ту сторону костерка, как будто отгораживаясь этой ничтожной преградой, сидела женщина. Кружку с уже давно остывшим кофе она сжимала обеими руками.

— Алешка, как ты не понимаешь! Я не могу так больше! — Голос женщины дрожал. — Мы прожили с тобой целых пять лет, а за душой — ноль! Что мы имеем? Ни кола, ни двора! Только этот твой проклятый джип, на котором мотаемся по вызовам! В любое время дня и ночи, заметь! Нам уже по тридцать... а мы гоняемся за всякими барабашками... Знаешь, Леша, я давно хотела тебе сказать... Я ухожу. От тебя ухожу. Вот...

Она посмотрела на мужчину, желая увидеть его реакцию на эти слова. В жарком мареве, поднимающемся от костра, его лицо плыло и дрожало. С недовольной гримасой Алексей поднял на нее взгляд:

— Угу. Нашла время уходить, — по-детски обиженно проговорил он. — Если ты не заметила, мы сейчас работаем. А на работе — только работа. У нас заказ. Уже оплаченный. Вперед. Сделаем работу, и катись на все четыре сторо-

ны. — Он достал из внутреннего кармана небольшую фляжку, отвинтил крышечку, долил из фляжки в кофе и снова убрал ее в карман, тщательно закрутив.

— Как катись! Что, просто так вот и все... просто катись?

— А ты чего ждала? Бурной сцены с битьем посуды? Так нет ее, посуды... — охотник перевел взгляд с Ольги на пламя костерка. — Знаешь, Оля, я чего-то такого уже давно ожидал. Только как-то уж больно не ко времени. Давай заказ выполним, а там посмотрим. Лады?

— На что посмотрим?! Я. Тебе. Сказала. Что. Я. От. Тебя. Ухожу. Ясно?

— Чего ж неясного, — невесело усмехнулся Алексей, — уходя, уходи. Зачем орать на весь лесопарк? Ты уже всех белок распугала, а скоро и дичь услышит... Как тогда работать будем? Или ты прямо сейчас решила свалить? Сейчас? Если так, то сама будешь деньги клиентам возвращать! Я не фокусник, чтобы их из воздуха доставать.

Он взъерошил рукой коротко стриженные каштановые волосы и, немного успокоившись, продолжил:

— Давай не будем пороть горячку, доведем это дело до конца, а там прости-прощай. О большем я не прошу. Раз уж ты так решила, то все равно уйдешь. К кому хоть уходить собралась?

— Не твое дело! У родителей поживу, пока работу не найду. Если помнишь, я дизайнер. Так что не пропаду. Пойду наружную рекламу в каком-нибудь агентстве верстать. Все лучше, чем с тобой по всяким хибарам да промзонам лазить.

— Угу, конечно, куда и к кому идти — твое дело, и чем дальше на жизнь зарабатывать — тоже. Только по хибарам и промзонам у тебя лазить не плохо получается, лучше даже, чем трахаться, — не удержался от ехидства Алексей.

— Сволочь! — вскрикнула Ольга и с размаху яростно запустила в него наполовину пустой кружкой. Кружка, перелетев через костерок, ударилась о невидимую преграду, не долетев до цели буквально полметра, и осталась висеть в воздухе, медленно вращаясь вокруг диагональной оси. Ее содержимое, не успев расплескаться в полете, тоже медленно вращалось вместе с емкостью. Алексей поставил свою кружку на землю, взял ту, что висела в воздухе, и поставил рядом со своей. Пристально посмотрел на них, зачем-то сдвинул вместе, встал. Молча, заложив руки за спину, обошел вокруг стоящих на прикрытой листьями земле сидений. И так же молча наподдал кружкам ногой. Те, жалобно звякнув от такого жестокого обращения, разлетелись в разные стороны.

— Правда, на нас похоже? То ближе не было, а тут взяли и разлетелись. И знаешь что? Мне даже неинтересно, что послужило толчком. Ты всегда жила эмоциями и слишком прислушивалась к своим подругам. Я не удивлен.

— А кружки при чем? На посуде злость срываешь?

— Зачем злость? Просто смоделировал наши отношения в их критической точке. Ладно, давай работать, время уже к вечеру, да и засветились мы с твоим скандалом по самое не балуй. — Алек-

сей снова запустил руку за пазуху, достал фляжку, отхлебнул изрядный глоток.

— Алкаш, — с тихой ненавистью сказала Ольга, поднимаясь со своего сиденья.

— Как говорят братцы-алкоголики: «Видит бог, не пьем, а лечимся», — философски изрек Алексей и, открыв заднюю дверь автомобиля, стал перебирать снаряжение. — Давай, надевай сбрую, сегодня ты меня прикрываешь.

— А не боишься, что не стану твою задницу беречь? — язвительно спросила Ольга.

— Не боюсь. Я тебе сейчас кое-что про нашего заказчика расскажу, после чего ты за мной, как за собственным кошельком, следить будешь.

— Про какого заказчика? Про того, чей заказ мы сейчас работаем?

— Ага, верно мыслишь. Так вот, как думаешь, кто к нам приезжал? Импозантный бизнесмен на дорогой машине с кучей охранников? Верно. Преуспевающий, я бы сказал, бизнесмен. Только бизнесом он последние лет пять как занялся, а до этого был авторитетным паханом в одной не мелкой подмосковной группировке. После того как бандюгам фээсбэшники хвосты поприжали, у него не осталось вариантов, кроме как легализоваться. С подачи того же ФСБ. И стал уважаемый авторитет уважаемым бизнесменом под крышей федералов. То ли они через него денежку отмывают, то ли стучит он им на своих партнеров по бизнесу, которые, кстати, из той же среды вылезли, этого я тебе не скажу. Не знаю. Скажу только, что в бытность свою бандитом отличался он изрядной жесткостью в решении финансовых и

территориальных споров с конкурентами. А с годами мягче не стал, сама понимаешь, в большом бизнесе мягкотелым не место. Так что случись со мной что, финансовые разногласия тебе с ним самой улаживать придется.

— Да ты-то откуда про него это знаешь? Ты с ним что, в бане пиво пил?

— Пил, и не только в бане. Видишь ли, Оленька, дело в том, что я с этим крокодилом рос в одном дворе и учился в одной школе. А мать его до сих пор с моей матерью дружит и многое ей, как подруге дней своих суровых, рассказывает, а та мне. Вот так вот. Поэтому советую мне спину крепко держать.

— Так что ж ты раньше не сказал, паразит?!

— А что б ты сделала, если б раньше узнала? Заказ-то мы уже взяли. Ладно, хватит разговоры разговаривать, собираемся и пошли.

Закончив речь, Алексей вытащил из машины объемистый кофр, грохнул его на землю и, открыв, зарылся в него чуть не по пояс. Из недр кофра появились на свет два автоматических пистолета, маленький охотничий арбалет, связка стрел с тускло поблескивающими головками. Рядом легли три обоймы с такими же матовыми пулями. Затем свет увидели вещи, вовсе уж непонятные непосвященному, а для человека знающего — просто странные в данной обстановке: связка разных веревочек, подвесок, брелочков и погремушек.

Достав широкий пояс с множеством кармашков и подсумков, Алексей застегнул его у себя на талии, попрыгал на месте: ничего не бряцало и

не звенело. Второй пояс он молча протянул Ольге, потом передал ей пистолет и две обоймы. Стрелы рассовал в специальные кармашки на штанах.

— Амулеты проверь. Я их вроде вчера все зарядил, но мало ли.

Ольга взяла все эти веревочки, погремушечки и прочую бижутерию и стала пристально в них всматриваться в каждый по отдельности, тут же раскладывая их на капоте машины.

— Эти два аж через край, — сказала Ольга, отодвинув в сторону маленький костяной шарик, причудливо покрытый резьбой и закрепленный на витом кожаном шнурке, и подвеску в виде колеса с шестью спицами, загнутыми по часовой стрелке, Громовое Колесо, явно старинной работы. — А остальные в порядке: зарядил в меру, не излучают, не фонтанируют.

— Хорошо. — Алексей сгреб всю мелочь с капота и стал сосредоточенно рассовывать ее по кармашкам пояса. Громовое Колесо он повесил на шею, а шнурок с шариком обмотал вокруг запястья, завязав скользящим узлом. — Ты, как всегда, из моего ничего брать не будешь?

— Не буду. У каждой Марфушки свои игрушки.

Ольга расстегнула куртку и вытянула из-под свитера за витую серебряную цепочку старое, с истершимися от времени краями, распятие, на несколько секунд сжала его в ладонях и прикрыла глаза.

— Это меня еще ни разу не подводило и теперь не подведет. И предавать я его не собираюсь.

— Ну да, как же, одного предательства на день вполне достаточно... Ладно, проехали. Давай определим, что мы имеем. А есть у нас в наличии дом, принадлежавший раньше некоему академику от медицины, 1903 года постройки, который наш Олежек купил за бесценок жене в подарок. Якобы с этим домом у них связаны какие-то романтические воспоминания. Он собирался отремонтировать его и использовать в качестве загородной резиденции. Но бригада дружественных россиянам и их деньгам таджикских строителей не смогла закончить ремонт, поскольку в доме творилось что-то неладное, чертовщина какая-то. То двери закрываются сами собой, то лампочки вспыхивают при обрезанной проводке, то на полу ни с того ни с сего появляются лужи. И даже погиб один строитель, якобы от удара током. Только непонятно, как его ударить током могло?

— А что непонятного?

— Посмотри вокруг внимательно. Видишь столб?

— Ну, вижу...

— А провода от столба к дому идут?

— Боже правый, нет проводов! Так как же его током могло убить и куда следовательно смотрел?

— А что ему смотреть. Помер нелегал, причину смерти доктора установили: остановка сердца вследствие воздействия электрическим током. Что тут смотреть. У следака глухарей вагон и маленькая тележка, а тут все ясно. А что ясно нам? Что можем увидеть мы, если смотреть будем не в милицейский протокол, а на факты? Есть дом, есть признаки полтергейста, есть труп. Что из

этого следует? А следует из этого, что если бы таджики не убрались из этого дома, то одним трупом дело бы не ограничилось. Скорее всего в этом доме есть кто-то или что-то, что мстит живым. И копит силы для воскрешения. Правда, интересно? С проклятой душой нам раньше сталкиваться не приходилось. Осилим?

— А есть выбор? — скорчила недовольную гримасу Ольга.

— Да нет, особого нету. Хотя, если бы не надо было вносить долю в строительном кооперативе и платить за машину, хрен бы я за это дело взялся. А тут ты еще с разводом, как нарочно. Ладно, не будем нагнетать негатив. Там, — Алексей кивнул на дом, — его и так хватает.

Он достал из кармана сложенный в несколько раз лист формата А4 и развернул его на капоте, припечатав рукой к металлу.

— Это план дома. Как видишь, он в трех уровнях: два этажа и подвал. Подвал по площади едва ли не больше всего дома. Интересно, что там у академика было. Подпольная лаборатория, где он женам министров абортыв делал? — пошутил Алексей. Тут же его лицо вытянулось, брови сошлись над переносицей, глаза за стеклами очков стали серьезными. — Блин! А если и правда абортыв! Ты представляешь, сколько там неприкаянных душ? Уж точно больше одной! Твою мать, Олег Сергеевич! Что б те пусто было с твоим домом. Мы ж тут гробануться запросто можем! Вот ведь сволочь! И деньги не отдадим, я их уже внес! Вот блин! Ладно, Оля, сработаем, я тебе остаток гонорара и машину в придачу отдам. Главное,

спину мне держи и молись своему Богу, чтоб не выдал.

— Алешка, а может, не стоит? Может, ну его, этот заказ? Деньги я у родителей займу, рассчитаемся с Олегом.

— А что, твой всевышний покровитель тебе помочь не собирается? Или как, сдрейфила? Не трусь, мать, прорвемся. И потом, Олег, он живет по понятиям. Обраток не любит. Хрена лысого мы с ним рассчитаемся. Ты, главное, прикрой меня, если что.

— Леша, давай не торопиться. Давай сходим сегодня, все осмотрим, продумаем. А завтра уже отработаем по полной? А? Зачем голову в петлю совать. Нам же ведь не срочно заказ сдавать? Не завтра же?

— Нет, не завтра... Может, ты и права... стоит провести разведку на месте, а уж потом — работать. Да, пожалуй. Давай сегодня осмотримся. Просто посмотрим и запомним как можно больше. Достань камеру и запасные кассеты, аккумуляторы не забудь. А я пока вокруг похожу.

Алексей выпрямился, свернул план и сунул в нагрудный карман. С хрустом потянулся и зашагал к дому. Пройти нужно было всего ничего, метров сто от первых деревьев до крыльца, но с учетом того, что уже было известно о доме, это было непросто.

— Держись метрах в десяти от меня. И все снимай! — крикнул Алексей Ольге и махнул рукой: — Поехали!

Ольга быстро рассовала по карманам аккумуляторы и кассеты и, включив камеру, развернула

видоискатель так, чтобы съемку можно было вести, не поднимая камеру на уровень глаз. Она осторожно двинулась вслед за мужем, который в скором времени должен был стать бывшим.

А тот уверенно шагал к крыльцу дома и даже что-то насвистывал, как показалось Ольге, какой-то бравурный опереточный маршик. «Сколько раз говорила, не свисти, денег не будет», — с раздражением подумала Оля. На такие замечания он неизменно отвечал: «Не дрейфь, Хельга, будут». И продолжал насвистывать, значит, в данный момент пытается отыскать решение какой-то трудной задачи. Ее же такой подход к решению сложных вопросов раздражал. По мнению Ольги, думать следовало в тишине, задернув шторы, закрыв дверь и усевшись в большое кресло с чашкой горячего какао. Это было не единственное их разногласие. Но отчего-то сейчас пришло на ум именно оно.

Камера тихонько жужжала, исправно фиксируя на пленку все, что попадало в пристальный глаз оптики. Ольга не торопясь, но и стараясь не отставать больше чем на десять метров, шагала за Алексеем, исправно держа его фигуру в окошке видоискателя. Но что это? Фигура мужа на маленьком жидкокристаллическом экранчике пошатнулась, как будто Алексей споткнулся о камешек или зацепился ногой за торчащий из земли корень. Вот он сделал еще два шага и снова споткнулся. На этот раз уже сильнее.

— Снимай! Не останавливайся! — донеслось до Ольги. — Кажется, мы ему не нравимся! Снимай, дома проанализируем.

Алексей продолжал идти к дому. Подойдя к крыльцу, он остановился, достал из кармашка на бедре стрелы и стал вгонять их в землю вокруг себя, обозначая круг. Двадцать одна стрела с серебряным наконечником и ореховым древком вонзилась в осеннюю листву и тронутую легким ночным морозцем землю, образовав около Алексея защитный круг, укрывая его от зла за пределами круга. Когда в землю воткнулась последняя стрела, по всем древкам прокатился всполох ярко-белого света, который был невидим простому человеку. Но Ольга, как и Алексей, с самого рождения не была обычным человеком. Прабабушка-знахарка щедро поделилась с еще не рожденной внучкой Силой, после чего отошла в мир иной.

Древки налились нестерпимо ярким свечением, похожим на пламя горящего магния, а затем мерным белым светом, образуя непроницаемый барьер вокруг Алексея, поднимающийся к небу сплошным столбом яркого света. Стоящая внутри его фигура стала расплываться, терять очертания. Камера, которой был недоступен режим съемки тонких материй, исправно писала на пленку все происходящее. Ольга посмотрела в видискатель. Вот Алексей опустился на колени, а потом сел на пятки и стал доставать из многочисленных кармашков на поясе разные вещицы, необходимые в работе. Ольга плавно перевела камеру, чтобы заснять руки Алексея и то, что он достает и делает.

Очень часто в такие моменты он работал бессознательно. Как бы проваливаясь в глубокий

транс, и, окончив изучение объекта работы, не мог вспомнить, что и как делал. Тут-то и помогала видеосъемка, которую, как правило, вела Ольга. Иногда они менялись местами, и тогда Ольга сканировала объекты, на которых предстояло работать, используя собственные силы и дар свыше. Это немало, но Алексей своими шаманскими методами неизменно добивался лучшего результата. Иногда Ольга ему завидовала, но потом вспоминала, что зависть есть грех, и успокаивалась, хотя пакостный червячок амбиций исподволь подтачивал ее душу.

Алексей, разложив у ног амулеты и обереги, поднялся и широко раскинул руки, как будто пытался обнять весь дом. Его губы беззвучно шевелились, призывая древних, забытых Светлых богов, именем которых он творил все ритуалы. За пять лет, проведенных вместе, Ольга так и не узнала слов, с которыми он обращался к Перуну, Макоши и Роду. Знала только, что давным-давно, в годы студенческой юности, Алексей принадлежал к некоему Братству Черного Перуна — покровителя воинов и занимался с такими же, как и он, ненормальными реконструкцией старинных доспехов, сражений и ведовских ритуалов. И вроде даже как был ведающим воем, то есть не просто ратником, а ратником, общающимся с Богами. Оттуда, из юношеской одержимости историей славян, и происходили его ритуалы, многочисленные и эффективные.

Жужжала камера, Ольга пристально вглядывалась в изображение на маленьком мониторишке, Алексей шептал одному ему ведомые слова,

стоя с широко раскинутыми в стороны руками. Вдруг он пошатнулся, как от сильного толчка в грудь, но с места не сошел. Ольга оторвалась от видеоискателя и посмотрела на происходящее невооруженным глазом. То, что она увидела, привело ее в замешательство. От дома, из его двери и окон, в направлении светового столба хлестало «нечто», не имеющее названия в реальном мире людей, а потому трудно описуемое. Густое марево, такое, как поднимается в жаркий полдень над раскаленным асфальтом, струилось медленно и неторопливо, перед дверью сплетаясь в тугий жгут и многократно ускорившись, било в столб света, защищавший Алексея, который даже изогнулся под таким напором.

В голове Ольги промелькнула мысль: «Не выстоит». На какое-то мгновение эта мысль сменилась ликованием: «Не придется разводиться. Вдовой буду», — и постыдно спряталась в самый темный уголок сознания. И тут она услышала, как будто сквозь вату, плотно заткнувшую уши, голос Алексея: «Не смей помогать, тебя оно сметет и не заметит, сам еле держусь. Сейчас у деревьев помощи попрошу». Когда он начинал просить помощь у окружающего мира, это означало только одно — плохо дело. Причем настолько, что сейчас надо не геройствовать, пытаясь побороть непреодолимое, а сматываться, чтобы остаться «в одном куске», как говорил Алексей.

А потом она увидела, как окружающий Алексея столб света стал меркнуть, то ли под напором осаждавшей его сущности, а может, Алексей сам снимал защиту, чтобы... Для чего? Для чего мож-

но снять защитный круг, когда тебя пытается укокошить невообразимое «нечто»? Чтобы призвать на помощь или для того чтобы погибнуть, что более вероятно. Свечение защитного круга померкло настолько, что стало видно фигуру скрывающегося за ним человека. Он уже не стоял, гордо распрямившись и разведя руки в стороны, а опустился на колени, неестественно откинувшись назад, практически сев на каблуки ботинок. Однако руки по-прежнему были раскинуты в стороны, а лицо устремлено в небеса. Одежду на нем трепал, пытаясь сорвать, ветер, которого за пределами круга не было и в помине. Ольга поняла, что допроситься помощи у тугодумных деревьев не вышло: больно медленно они сообщают для ситуации, когда нужно помочь быстро. Деревья хорошо накапливают силу и неплохо отдают ее, но после долгих и изнурительных ритуалов, на которые сейчас не было времени. Судя по тому, что творилось за пределами защитного круга, помощи нужно просить у Духа Воздуха, непостоянного и переменчивого, однако очень быстрого и сейчас подходящего как нельзя лучше.

«Господи! Спаси и сохрани, укрепи и наставь! Не дай нам сгинуть! На тебя уповаем!» — истово зашептала Ольга.

Алексей стал подниматься. Медленно, как будто преодолевая давление многопудовой тяжести. За его спиной, как бы возводя прочные опоры, жгутами закручивается воздух, отталкивая его от земли, преодолевая давление сущности, пытавшейся вжать человека в землю. Вот он уже

стоит на коленях, опираясь руками о землю, склонив голову, вот поднялся во весь рост, окутанный пеленой из бегущих по нему маленьких вихрей. Вихри в клочья рвали на нем одежду, оставляя неровные прорехи на куртке и брюках, не рая, однако, тело. Смерчки, порожденные крохотными духами Воздуха, стекались к правой руке Алексея, к широко раскрытой ладони, обвивали ее, превращаясь в мириады тончайших волокон, свиваясь в длинный и тонкий хлыст из уплотнившегося воздуха. «Кнут Ветра» — одно из сильнейших воздушных заклятий, с помощью стихийного Духа ставших подвластными Алексею. Только им двоим известно, что Дух попросил в обмен на свою помощь, ведь альтруизм изначальным стихиям чужд испокон веков.

«Отче наш, Иже еси на небесех!» — зашептала Ольга, одержимая страхом за себя и мужа.

Защитный круг померк совсем. Ольга даже успела заметить, как вспыхнули древки воткнутых в землю стрел и невесомым пеплом упали к ногам защищаемого ими человека, образуя круг из орехового пепла — защиту не менее сильную, чем Круг Света. Пепел орехового дерева не менее священен, чем сам орешник, из которого были сделаны древки. Нематериальный, змеящийся как живой, хлыст в руке Алексея тем временем стал плотным, осязаемым, только края его оставались размытыми, как будто постоянно двигались с огромной скоростью. «Зачем же ты снял Круг?» — подумала Ольга, как завороченная глядя на мужа, с которого то ли ветер, то ли напирающая на него из дома неведомая сила сорвали

уже и куртку, и свитер. Джинсы все еще сопротивлялись напору стихий, но уже трещали по швам. А потом Алексей открыл глаза, которые были плотно закрыты все это время, и Ольга чуть не вскрикнула. Они налились небесной голубизной! Зрачок, радужка, белок: все стало глубокого голубого цвета, как ясное весеннее небо, как лепестки васильков на лугу. Его глаза излучали неяркий голубоватый свет. «У людей глаза не светятся», — пришло на ум.

«Да святится имя Твое...»

Ольга сделала шаг назад, не опуская камеру. Бесстрастный механизм исправно жужжал моторчиком, не выражая эмоций, стеклянным глазом взирал на происходящее. В окошке видоискателя был виден обычный человек, голый по пояс, в рваных джинсах, который стоял, опустив руки, и покачивался, как будто был пьян. Подняв взгляд от видоискателя, Ольга увидела, как левой рукой Алексей начертил перед собой в воздухе какие-то знаки, на мгновение вспыхнувшие таким же голубым светом, как и его глаза, и сделал шаг вперед, за пределы Круга, занося правую руку с извивающимся в ней Кнотом Ветра. Охотник пошел вперед, навстречу серому мареву, рассекая его ударами воздушного бича, зажатого в руке. От каждого удара на сущности вспухали рубцы, взблескивающие серым, неживым пламенем. Напор неведомой силы стал иссякать. С каждым ударом от струящегося из дома марева как будто отрывали кусок. Лишившись подпитки из дома, отрубленные куски сущности падали на землю, вихрем поднимая желтые осенние ли-

стью, которые тут же бурели и рассыпались прахом.

«Да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя...» — продолжала Ольга.

Воздух наполнился воплем десятков голосов. В этой какофонии ужаса захлебывались плачем брошенные младенцы, хохотали безумные старики, сладострастно стонали шлюхи, рычали взбесившиеся собаки. Все это звучало на фоне растекавшегося вокруг чистого и ясного голоса: «Не делай этого. Мы не враги тебе. Вспомни, кто ты! Прекрати, нам больно... Ты слышишь, ИМ больно... Он причиняет нам страдания. Прекрати это! Останови его! Дай нам свободу. Слейся с нами. Вернись к нам! Позволь нам быть тобой. Стань нами. Иди к нам, не сопротивляйся... Будь с нами... Познай блаженство муки...»

«Яко на небеси и на земли».

Ольга уронила камеру и попыталась зажать уши руками. Не помогло. Голос, зовущий и обещающий, звучал в мозгу, ему вторили вопли, стоны и безумный хохот. Стоя на коленях и мало соображая, что делает, Ольга достала дрожащими руками пистолет, передернула затвор и, направив его на Алексея, нажала курок, не понимая, зачем она стреляет в собственного мужа. Сухим щелчком, необычайно громким в осеннем воздухе, раздался выстрел, на мгновение заглушив даже голос в голове, рвущий сознание на куски. Чтобы он замолчал, она снова нажала на курок, одной частью сознания сопротивляясь тому, что делала.

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наши...»

Вторая половина сознания ликовала: решится вопрос с разводом, не надо будет делить небогатые пожитки, не надо тратиться на адвокатов, только на похороны... А над всем этим царствовал голос... В перерывах между выстрелами, пока срабатывал спусковой механизм, пока боек шел к капсюлю патрона, пока воспламенялся порох и пуля начинала свой разбег по винтовой насечке ствола, голос твердил одно и то же: «Будь с нами... Иди к нам... Пусти нас в себя... Познай блаженство... Не сопротивляйся... Ты нужна нам... Ты необходима нам!...»

Выстрел.

«Якоже и мы оставляем должником нашим...»

И снова: «Будь с нами... Иди к нам... Пусти нас в себя... Познай блаженство... Не сопротивляйся... Ты нужна нам... Ты необходима нам! Мы хотим тебя...»

Опять выстрел. Снова голос. Пистолет дергался в руках, выплевывая в Алексея крошечные кусочки смерти, глаза Ольги застилали слезы, но руки не слушались ее, палец продолжал давить на курок.

«И не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго».

Девушка пыталась читать молитву, но мысли путались, слова молитвы заглушал все тот же голос в голове...

К счастью, ни одна из пуль, выпущенных Ольгой и тем, что двигало ее руками, не достигла Алексея. Из воздушного бича в его руке отделя-

лись крошечные смерчки, неслись навстречу смертоносному серебру, из которого были отлиты пули охотников, и рассекали их на части, расшвыривая осколки далеко в стороны.

Боек звонко щелкнул о патронник, возвестив о том, что патроны закончились и давить на курок уже незачем. Затвор встал на задержку, оголив курящийся дымком ствол. Ольга увидела, как ее левая рука потянулась к кармашку на поясе, в котором хранились запасные обоймы, также набитые патронами с серебряными пулями, губительными для нечисти. Она пыталась остановиться, но рука не слушалась, как будто чужая — абсолютно враждебная — воля управляла сейчас ее конечностями. Все, что ей оставалось, — с ужасом наблюдать за тем, как собственное тело предает ее, отказываясь подчиняться сознанию. «Боже! Что же это делается!» Руки жили своей жизнью, правая сжимала пистолет, левая уже подносила к нему новую обойму, начиненную смертью. Обойма плавно вошла в рукоятку пистолета, несмотря на все попытки Ольги к сопротивлению. Рука с пистолетом стала подниматься, разворачиваясь черным зрачком ствола к лицу Ольги. Ствол медленно пополз ко рту. Глаза Ольги, и без того большие, вмиг стали огромными, наполнились отчаянием. Ствол уперся в плотно сжатые губы, обжигая их, палец медленно пополз к курку. Ольга почувствовала, как что-то горячее потекло по ее ногам и в животе вдруг стало противно холодно.

«Господи! Нет! Не-е-т!»

На левом запястье Алексея неярко полыхну-

ло — сработал оберег, и кожаный шнурок с костяным шариком соскользнул с его руки, ловкой змейкой метнулся к Ольге, опережая ход времени, бурой молнией пробороздив листья, взметнулся по ногам к руке, сжимающей пистолет. Ольга увидела золотистый свет, которым переливался обычный с виду костяной шарик на конце шнурка, сейчас напоминающий диковинную змейку, увенчанную золотой короной переливающихся лучей. Змейка-шнурок изогнулась на руке Охотницы, на мгновение став похожей на готовящуюся атаковать кобру, и ударила светящейся головкой в пистолет, в то самое место, где отпущенный пружиной боек уже устремился к патрону, начисто срезая и боек и капсуль, безнадежно уродуя дорогую заграничную машинку.

И как только пистолет перестал представлять опасность, руки плетью упали вдоль тела, оружие выскользнуло из рук, и сама Ольга с тихим стоном, похожим на всхлип, повалилась навзничь. «Он меня защитил своим амулетом, обо мне думал», — мелькнуло в гаснущем сознании.

* * *

Полуголый Алексей сидел в десяти метрах от ничком лежащей Ольги, спиной к двери дома, который только что чуть не убил их болью и ненавистью десятков неприкаянных душ. С правой руки на землю тягучими каплями падала кровь, собиралась в густую лужицу на листьях около подошвы ботинка. На плотно захлопнутых дверях дома были кровью начертаны руны, запеча-

тывающие зло внутри. Сил у Охотника не было даже на то, чтобы просто подняться, а предстояло еще обойти дом и сделать то же самое со всеми оконными и дверными проемами, не давая внезапно пробудившемуся злу вырваться наружу, в мир беспомощных людей, не только не способных противостоять ему, но и не сознающих того, что любое действие имеет последствия.

Не вставая с прогретых осенним солнцем ступеней, Алексей достал из одного из кармашков на поясе перевязочный комплект, зубами разорвал стерильную обертку, достал бинт и перекись водорода. Сорвал жестяную крышечку с пузырька и, морщась, плеснул жидкость на глубокую рану на правом запястье. Перекись тут же зашипела, уничтожая способные вызвать воспаление раны микроорганизмы. Уронив пузырек под ноги, Охотник достал из пакета ватно-марлевый тампон и приложил его к ране. Затем стал плотно бинтовать. Покончив с перевязкой, Алексей поднялся и, шатаясь, пошел к расprostертой на земле Ольге, которая все еще была без сознания. Он наклонился над лежащей женой (бывшей или еще нет?) и стал хлопать ее по щекам здоровой рукой. Без результата. Достал из того же кармашка, что и перевязочный пакет, маленькую желатиновую капсулу с нашатырем и раздавил ее под носом у Ольги. Бесполезно! Попробовал поднять ее на руки и не смог. Слишком много сил потратил на борьбу со взбесившимися душами. Кряхтя, Алексей поднялся с колен и, ухватив Ольгу за куртку, волоком потащил к машине, открыл дверь и с невероятным трудом погрузил

бесчувственное тело на заднее сиденье, пнул ногой стоящий рядом кофр и присел с ним рядом. Взгляд уперся в пижонски-красное крыло внедорожника. Цвет показался неуместным, вызвал дурные ассоциации. «Перекрашу на хрен», — зло подумал Алексей и запустил руки в необъятное нутро кофра. Порывшись в нем несколько секунд, он достал кусок мела, которым обычно чертил магические знаки, и пошел к дому, на ходу бормоча про себя ругательства. Ругался на всех и вся: на себя за то, что плохо подготовился к делу и чуть не гробанулся вместе с женой, на Олега Ефимцева за то, что тот купил этот дом и приперся к ним с заказом, на сам дом, на жившего в нем светило социалистической медицины, на аборт и почему-то на Сталина, который и вовсе был непричастен к нынешним событиям, разве что как современник профессора. Подойдя к дому, Охотник пошел вокруг него по часовой стрелке, нараспев произнося слова запирающего наговора и размашисто чертя мелом руны на захлопнутых ставнях, прекрасно понимая, что мел не поможет. Смоет первым же дождем, а крови для такого количества окон у него не хватит, даже если он перегрызет себе коронарную артерию. Тем более что окна были на втором этаже, мезонине, чердаке, и была огромная печная труба, которую тоже надо чем-то заткнуть и запечатать. Но все это не надолго, а значит, надо было как можно быстрее найти средства навсегда обезопасить этот дом и разобраться с его бестелесными обитателями. Как лезть на второй этаж с располосованной рукой, он и представления не имел.

Плюнуть на него и оставить до лучших времен? Пока рука не подживет? Пожалуй, так и надо сделать, но, как назло, за домом, там, где не было видно со стороны фасада, отыскалась лестница — старая, наверняка сразу развалится под первым, кто решит на нее взобраться. Тут же стояли банки с краской, валялись кисти, валики и прочие малярные принадлежности. Алексей вспомнил, что тут до него побывала бригада таджикских маляров — штукатуров — плотников — на все руки. Так что вопрос о том, откуда краски и веревки, отпадал. А вот вопрос о надежности лестницы актуальности не терял. Не хотелось ехать домой, заталкивать в машину складную лестницу, возвращаться обратно... Нет, решительно не хотелось. Придется попробовать себя в роли акробата, исполняющего смертельный трюк, ведь если он упадет с этой лестницы, то недолгий полет запросто может окончиться не просто ушибами и ссадинами, а вполне серьезным вывихом или переломом. Окна второго этажа располагались метрах в пяти-шести над землей, а Ольга вряд ли оклемается до ночи. Лежать под окнами дома, в котором черт его знает что набирает силу, — погибель. Если уж не от того, что притаилось в доме, так от ночного переохлаждения.

Алексей обошел дом вокруг, запечатав мелом и наговором все окна первого этажа, потом вернулся к машине, открыл дверь багажника и достал бухту крепкого нейлонового троса, взгромоздил его на плечо и нога за ногу поплелся к дому. Притащил из-за дома банку с краской, ножом открыл крышку и выплеснул содержимое под сте-

ну, туда, где не было травы и листьев, а серел лишь сглаженный временем каменный фундамент. Кстати, камень выглядел гораздо старше остальной постройки. Алексей мысленно поставил галочку: стоит разобраться с этим вопросом. Потом привязал банку за ручку к тросу и, раскрутив здоровой рукой получившееся боло, закинул его на крышу. Банка перелетела конек и брякнулась по ту сторону крыши, весело дребезжа, покатилась вниз. «Интересно, хватит ли троса?» — запоздало подумал Алексей. Но сомнения оказались напрасными: бухта троса под ногами, шурша, разматывалась, банка дребезжала по крыше. В конце концов с другой стороны дома раздался металлический стук — банка брякнулась на землю.

Обмотав свободный конец троса вокруг дерева, Алексей с сомнением посмотрел на запястье правой руки — по бинту расплзлось красное пятно. Рана на запястье, похоже, оказалась слишком глубокой, а может, он просто разбередил ее, пока откупоривал банку и привязывал трос. Стараясь как можно меньше нагружать правую руку, неуклюже действуя одной рукой, он подтащил лестницу к первому оконному проему и прислонил ее к стене. Потом обошел дом и там тоже привязал трос к дереву. Устало присел на нижнюю ступеньку и достал из кармана пачку сигарет «Кэптан Блэк». В меру крепкие, в меру отвратные. Вообще-то он не курил. В их семье курила Ольга, как он ни пытался с этим бороться. Но иногда, особенно когда сильно уставал и выкладывался на очередной работе, Алексей позво-